

© 2011 г.

ОБЗОР

Юрий Киндзерский

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Института экономики и прогнозирования НАН Украины
(e-mail: vkpp@ukr.net)

О ДИСКУССИИ ВОКРУГ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ МОДЕРНИЗАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ

Показана неоднозначность взглядов на определение содержания понятия модернизации, выбор ее идеологии и стратегии. Предложено авторское понимание данной категории с акцентированием внимания на социальных и безопасностных аспектах при определении целей и формировании задач модернизации. Поставлен вопрос о введении социальных и безопасностных критериев при определении направлений технологической модернизации и выборе соответствующих приоритетов промышленной политики.

Ключевые слова: модернизация, стратегии развития, общественные и экономические преобразования.

Преобладание негативных результатов общественно-экономических преобразований в большинстве постсоветских стран за последние двадцать лет, отсутствие прогресса в решении накопившихся производственных и социальных проблем, более глубокий экономический спад в годы кризиса 2008–2009 годов, чем в других странах, рост социального напряжения и имущественного расслоения – все это побудило высшее руководство многих стран СНГ, в том числе России и Украины, провозгласить курс на модернизацию¹.

К сожалению, как свидетельствует практика нашего истеблишмента, провозглашать не означает делать. Проблема также в том, что нет единства ни среди политиков, ни среди экспертов в понимании целей модерни-

¹ См.: «Россия, вперед!» Статья Дмитрия Медведева от 10 сентября 2009 г. / Официальный сайт Президента России <<http://news.kremlin.ru/news/5413>>. Послание Президента России Д. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 ноября 2009 г. / Официальный сайт Президента России <<http://news.kremlin.ru/transcripts/5979>>. Модернизация Украины – наш стратегический выбор. Ежегодное послание Президента Украины к Верховной Раде Украины. – К., 2011. – 416 с. (на укр. яз.). <<http://www.president.gov.ua>>.

зации, ее идеологии, приоритетов, экономических механизмов реализации, выделении субъектов модернизации, ее институциональной основы. Ввиду отсутствия объективных критериев оценки действий правительства с точки зрения их «модернизационности», существует высокая вероятность, что «модернизационная» риторика власти будет лишь маскировать политику «сохранения курса» и будет продолжаться политика, которая приносит выгоду не обществу, а лишь социальным группам, находящимся у власти или приближенным к ней.

Чтобы иметь представление о том, какова должна быть политика модернизации, для начала следует уяснить, что такое модернизация, каковы ее цели, какая идеология должна лежать в ее основе, кто должен ее осуществлять и т.п.

Термин «модернизация» в экономической теории используется преимущественно для обозначения политической и экономической стратегии, направленной на быстрое изменение технологических, хозяйственных и социально-экономических условий функционирования общества для предоставления ему большего социального динамизма и повышения конкурентоспособности¹. Различные словари дают заметно отличающиеся друг от друга толкования модернизации. Например, российская Экономическая энциклопедия (главный редактор Л. Абалкин) представляет ее только в технологическом ключе как «обновление объекта, приведение его в соответствие с новыми требованиями и нормами, техническими условиями, показателями качества. Модернизации подвергаются в основном машины, оборудование, технологические процессы»². Аналогичное определение приводится и в украинской Экономической энциклопедии (главный редактор С. Мочерный)³. При таком подходе остается вне поля зрения большинство характеристик экономической системы, так или иначе определяющих состояние развития страны и возможность удовлетворения ею потребностей социума. Также не учитываются ни социокультурные, ни институциональные особенности страны, формирующие характер хозяйственных отношений. В этой связи можно согласиться с

¹ Иноземцев В.Л. Что такое модернизация и готова ли к ней Россия? // Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Сборник статей и материалов. Выпуск 1. – Москва, Центр исследований постиндустриального общества, 2009. – С. 7.

² Экономическая энциклопедия / Науч.-ред. совет изд-ва "Экономика"; Ин-т экон. РАН; – М.: ОАО "Издательство "Экономика", 1999. – С. 439.

³ Согласно украинской Экономической энциклопедии «модернизация – процесс частичного обновления, замены устаревшего оборудования (машин, механизмов, оборудования, приборов и др.), технологии производства, техническое и технологическое переоснащение промышленных и сельскохозяйственных предприятий». – См.: Економічна енциклопедія: У трьох томах. Том 2. – К.: Видавничий центр "Академія", 2001. – С. 468.

мнением С. Дубинина, отмечающего, что «модернизация никогда не бывает обновлением лишь технологических решений – это всегда выбор тех или иных изменений в сфере общественных отношений со стороны элиты страны»¹. Причем С. Дубинин обращает внимание, что инициатива технологической модернизации, как правило, принадлежит государству, тогда как общество зачастую меняется стихийно. В. Иноземцев также отмечает, что модернизация не может быть «чисто технологической». Инновационное развитие, часто ассоциируемое с модернизацией, представляет собой лишь один из элементов, который может способствовать экономической и социальной модернизации². В. Иноземцев обращает внимание, что в истории есть немало примеров, когда инновации были неспособны дать толчок масштабной экономической модернизации.

Политологический словарь (под редакцией В. Коновалова) определяет модернизацию как «стремление государства, политической системы общества приблизить менее развитые страны к лидерам»³. Сложность и размытость такого подхода состоит в отсутствии четко обозначенных эталонов, на которые следует равняться. Они лишь усиливаются при наличии кардинальных культурно-ментальных различий в ценностях и образе жизни между менее развитыми и более развитыми странами. Как правило, при таком подходе в качестве эталона, на который следует равняться «недоразвитым», выбираются политические и социальные ценности, а также экономические характеристики стран Запада. Такой взгляд сформировался в 60-70 гг. XX в. у исследователей «незападных» постколониальных обществ, изучавших процессы их перехода к экономической и политической модели, принятой на Западе. Получается, что модернизацию можно трактовать как перенос западных производственных практик и социальных отношений в менее развитые страны. Однако вряд ли можно исходить из предпосылки об относительной монолинейности общественного прогресса, ведущего от аграрного к индустриальному и постиндустриальному обществу.

В философско-энциклопедическом словаре (под редакцией А. Ивина) под модернизацией понимают «процесс перехода от традиционного общества, которое отождествляется главным образом с социальными отношениями патриархально-феодалного типа, к современному обществу индустриального капиталистического типа»⁴. Ограниченность такого подхода в эволюционно-историческом понимании содержания модерниза-

¹ Дубинин С. Альтернативы модернизации / Свободная мысль. – 2010, №2 (1609) – С. 5.

² Иноземцев В.Л., цит. соч. – С. 14.

³ Словарь по политологии. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2001. – С. 134.

⁴ Философия: энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2004. – 1072с.

ции, т.е. она рассматривается как определенный неотвратимый и закономерный этап эволюционного развития наций или страны, возникающий и происходящий сам по себе и не нуждающийся в никаком внешнем вмешательстве ни со стороны государства, ни со стороны общества.

В. Иноземцев дает несколько взаимодополняемых определений модернизации. В одном из них под последней он понимает «скоординированные усилия общества по преодолению нетерпимого отставания в экономической и социальной сферах, чреватого потерей конкурентоспособности страны и утратой ею экономических и политических позиций на мировой арене»¹. В другой работе он отмечает, что «это мобилизационный процесс, который предпринимается в тех или иных странах для сокращения образовавшегося отставания от государств-конкурентов»². В этих определениях следует обратить внимание на несколько важных, на наш взгляд, аспектов. В частности, во-первых, акцент делается на скоординированных усилиях и нетерпимом отставании. Таким образом косвенно указывается на необходимость существования субъекта-координатора или организатора модернизации, а также на достижение страной того порога отставания, который воспринимается как нетерпимый, по крайней мере теми субъектами, которые инициируют модернизацию. Во-вторых, акцентируется мобилизационный характер процесса модернизации и констатируется его обусловленность внешними причинами ее инициации, в частности, существованием более развитых стран, побуждающих к модернизации рассматриваемую страну. Такой подход, очевидно, не вполне удачен, поскольку он предполагает, что модернизироваться могут лишь отсталые страны, тогда как развитым это не нужно³, и что модернизирующейся стране доступна лишь догоняющая стратегия развития как единственно возможная. Наконец, не рассматривается тот факт, что не только в отсталых, но и в развитых странах может существовать внутренняя «нетерпимая» ситуация, подрывающая общество, блокирующая его развитие. Причем эта ситуация, как показали две волны последнего миро-

¹ Иноземцев В., цит. соч. – С. 11.

² Иноземцев В.Л., Амосов А.И., Андрюшин С.А. и др. Модернизация России в контексте глобализации / Мировая экономика и международные отношения. – 2010, №2. – С. 90.

³ У ряда исследователей сложилась убежденность, что развитые страны в принципе не нуждаются в модернизации, поскольку им это не нужно (см., напр.: Сатаров Г. Прологомены к последней модернизации в России / Вопросы экономики. – 2011, №5.). В этой связи, на наш взгляд, достаточно вспомнить, что страна, находящаяся на первых позициях в рейтинге мирового развития, а также во всевозможных рейтингах конкурентоспособности, свободы, легкости ведения бизнеса и т.п., тем не менее, выступила основным источником и генератором мирового экономического кризиса последних лет. Речь идет о США.

вого кризиса (2008, 2011 гг.) не менее опасна в развитых, чем в менее развитых странах.

Академик НАН Украины В. Геец склоняется к определению модернизации, предложенным философом маркизом де Кондерсе, понимавшего под ней способность современных людей научно направлять изменения в обществе¹. Преимуществом такого подхода, с нашей точки зрения, является рассмотрение модернизации безотносительно к каким-либо иностранным эталонам или историческим этапам. Но одновременно ограниченность такого подхода заключается в том, что под модернизацией можно считать любые изменения, только бы они были научно направлены, т.е. происходили на основании выводов или рекомендаций каких-либо научных теорий или концепций. В данном случае проблема заключается в качестве самих теорий, в частности их способности адекватно отображать и объяснять те или иные явления, происходящие в реальной жизни.

В. Геец отмечает, что наиболее успешной является органическая модернизация, т.е. та, которая происходит, опираясь на ресурсы всего общества, и удовлетворяет интересы всего общества. Здесь невольно просматривается мысль, что существуют неорганические модернизации, т.е. те, которые не удовлетворяют интересам общества. В этой связи возникает вопрос, насколько такие изменения (пусть даже научно направленные) вообще следует классифицировать как модернизацию, поскольку, опираясь на данный подход, под ней можно считать любую государственную политику (которая по определению всегда предусматривает изменения и имеет научное обоснование), хотя и с определенными предостережениями. Из таких соображений вытекает один из главных признаков модернизации – ее подчиненность интересам всего общества или, по крайней мере, его преобладающей части.

В. Иноземцев вкладывает другое содержание в понятие «органической модернизации». В частности, он исходит не из критерия меры привлечения ресурсов общества или удовлетворения его интересов, а из критерия, так сказать, общественно-политической и идеологической «революционности» процесса. По мнению В. Иноземцева, к которому мы присоединяемся, «органические модернизации», о которых пишут отдельные исследователи модернизационных теорий², представляют собой скорее проявления естественных волн экономического и политического развития и обусловлены переходом количественных хозяйственных изменений в

¹ Геец В. Либерально-демократические основы: курс на модернизацию Украины / Экономика Украины. – 2010, №3. – С. 4.

² См., напр., Gillis M., Perkins D.H., Roemer M., Snodgrass D. Economics of Development. / 4th ed. N.Y. – L.: W.W.Norton, 1996. – P. 8.

качественные¹. Также автор считает условным определение в качестве модернизаций отдельных технологических прорывов в странах-лидерах, где они были подготовлены всем ходом предшествующего развития. Он обращает внимание на то обстоятельство, что хотя и в первом, и во втором случаях прослеживаются отдельные элементы модернизационной парадигмы, тем не менее, в них отсутствует *существенная черта модернизации*, в частности *она не обретает масштабное социально-политическое измерение и не воспринимается как важный общественный проект*. То есть модернизация является чем-то большим от быстрого экономического развития или стремительных социальных перемен. В истории есть немало примеров динамического роста стран, который не оборачивался для них положительными качественными изменениями в социальной или политической сфере, особенно если он был обусловлен конъюнктурными факторами, проистекал без развития², не приводил к усовершенствованию социальной структуры общества и не подталкивал правительства к созданию эффективных политических институтов.

Масштабные политические сдвиги также не всегда дают толчок к модернизации. Примером могут служить не только большинство стран Африки, освободившихся от колониальной зависимости в 50-70 гг. XX в., и ряд стран Латинской Америки, но и большинство постсоветских стран, в т.ч. Россия и Украина, в которых определенная трансформация политической системы не улучшила, а, наоборот, ухудшила ситуацию в социальной и производственной сферах. Поэтому В. Иноземцев приходит к выводу, с которым можно согласиться, что модернизация – это комплексный процесс, в котором соединяются политическая воля, экономическая целесообразность и технологические возможности. Каждый в отдельности из этих факторов является всего лишь предпосылкой, но не катализатором развертывания модернизации.

Исходя из своего понимания модернизации как мобилизационного процесса преодоления отсталости страны от развитых стран-лидеров, В. Иноземцев выделяет три больших волны модернизации, состоявшихся в последние полтора столетия³. На протяжении этого периода успешные взаимосвязанные экономические, социальные и политические преобразования в отдельных странах кардинально изменили к лучшему их позиции в мире. Первая волна пришлась на вторую половину XIX в. и первую треть XX в. Она коснулась в частности России (потом Советского Союза), Германии, Японии и США. В конце XIX в. эти страны стали новыми ми-

¹ Иноземцев В., цит. соч. – С. 12.

² Речь идет об известном парадоксе «роста без развития».

³ Более подробно см.: Иноземцев В.Л., цит. соч. – С. 15–21.

ровыми центрами влияния и выступили противовесом тогдашним странам-лидерам. Сутью их модернизаций была ликвидация институтов феодализма и быстрая индустриализация. От современных модернизаций она отличалась рядом особенностей. Во-первых, была направлена на развитие внутреннего производства для сокращения внешней товарной зависимости и наращивание собственной военной мощи. Во-вторых, базисом выступили заимствованные технологии, тогда как собственным инновациям была отведена второстепенная роль. В-третьих, в ней преобладала технологическая составляющая, тогда как социальная и политическая были менее ощутимы.

Вторая волна модернизации началась после окончания Второй мировой войны и разделения мира на три части: индустриализированные страны «первого» (капиталистического) и «второго» (социалистического) мира, доиндустриальные страны «третьего» мира. Она коснулась полностью разрушенных войной стран (Германия, Япония) и стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Особенностью этой волны было то, что задачи модернизации состояли не в создании противовеса Западному миру, а, наоборот, во встраивании в его структуру, прежде всего экономическую. Признаком этого стало выстраивание экспортной ориентации производств этих стран, направленных на удовлетворение нужд стран Запада.

Третья волна пришлась на 60–70-е гг. XX в. Ее считают классическим примером современной модернизации. Она затронула, прежде всего, азиатские страны и была нацелена на достижение ими промышленно-развитого состояния: изменение структуры занятости в соответствии с тогдашними глобальными тенденциями; выявление и максимальное использование внутренних и внешних источников инвестиций; выведение продукции промышленности на внешние рынки и их завоевание; развитие инфраструктуры и ее приближение к стандартам развитых стран. Характерными особенностями этой волны стали три обстоятельства. Во-первых, резкое изменение структуры национальной экономики и обретение промышленным сектором доминирующей роли как в создании ВВП, так и в обеспечении занятости. Во-вторых, система государственной власти была жестко подчинена задачам развития промышленности, что проявлялось, в частности, в предоставлении государством прямой финансовой поддержки инвестиционным проектам или создании соответствующих преференций для их реализации. При этом государство работало как корпорация, направленная на достижение конкретных экономических результатов, а государственная власть выстраивалась на корпоративных принципах. Такая модель наиболее ярко проявилась в Японии, со временем она получила название «государства развития» (developmental state)¹.

¹ См.: Johnson Ch. Japan: Who Governs? The Rise of the Developmental State. – N.Y., London: W.W. Norton, 1995.

В-третьих, в процессе модернизации многократно (от 2 до 5 раз) возросли внешнеторговые и инвестиционные потоки задействованных в нее стран, они превратились в главных адептов глобализации и в значительной мере получили от нее немалую выгоду.

Анализ исторических волн модернизации дал основания В. Иноземцеву выделить одну их общую и важную, на наш взгляд, черту – все они предусматривали развитие промышленного производства для достижения тех социально-экономических и политических целей, которые стояли перед странами на соответствующих исторических этапах. Учитывая важность «промышленной» составляющей, ученый предлагает рассматривать современную модернизацию как «ускоренный и инициированный государством процесс преобразования страны в промышленное государство, конечная продукция которой становится конкурентоспособной на мировом рынке»¹. Он делает ряд выводов относительно возможных вариантов стратегии и объективных границ модернизации.

В частности, первый вывод таков: модернизация предусматривает мобилизацию ресурсов и реформирование действующих или внедрение новых экономических и социальных институтов общества для ускорения развития. То есть ее осуществление происходит на основе мобилизационной стратегии, реализация которой требует руководящей роли государства. Последнее должно определить приоритетные направления вложений мобилизованных ресурсов, исходя не только из критерия экономической выгоды, но и из критерия минимизации негативных реакций со стороны широких слоев населения.

Дополняя этот вывод, отметим, что если избранные государством направления не отвечают потребностям населения, ресурсы которого к тому же в той или иной степени мобилизованы на модернизационные цели, то осуществлять такую модернизацию нет смысла. Кроме того, с точки зрения социальной целесообразности последняя должна нивелировать не только внешнее «нетерпимое» отставание, но и внутренние «нетерпимые» условия жизни большинства граждан, создающие потенциал саморазрушения и деградации социума и хозяйственной системы независимо от внешних обстоятельств. Из этого, на наш взгляд, следует важная задача: создать такую систему управления развитием страны, которая, например, позволяла бы, в частности, в интерактивном режиме выявлять потребности граждан и трансформировать их в соответствующие направления государственной экономической политики и концентрации ресурсов.

¹ Иноземцев В.Л., цит. соч. – С. 21.

В данное время ничего подобного, по крайней мере, в Украине, не существует¹.

Второй вывод состоит в том, что по своему характеру развитие, которое происходит во время осуществления модернизации, является догоняющим. Его конечной целью являются формирование таких общественно-экономической и политической систем, которые создадут условия для дальнейшего устойчивого эволюционного немобилизационного развития. Успешной можно считать ту модернизацию, которая одновременно выступает первой и последней, т.е. исключаящей в обозримом будущем потребность в новых модернизациях.

В-третьих, модернизация предполагает масштабные заимствования технологий и стереотипов поведения на рынке у более развитых стран. Это позволяет, с одной стороны, точно оценить последствия модернизации, поскольку они будут аналогичны тем результатам, которых уже достигли страны-доноры, а с другой – существенно сэкономить ресурсы, поскольку разработка собственных технологий обойдется значительно дороже, чем приобретение иностранных, что особенно актуально в условиях дефицита средств и высокой неопределенности ожидаемых в перспективе результатов собственных разработок.

В-четвертых, модернизация имеет свои объективные границы. Она позволяет стране лишь преодолеть или сократить разрыв от стран-лидеров в уровне индустриально-технологического развития, но не опередить их, поскольку такое опережение априори не может достигаться путем заимствования. Задача опережения требует создания собственных систем знаний и технологий, которые лучше, чем зарубежные, что и обеспечит лидерство. Развитие таких систем нуждается в другой мотивации субъектов, нежели та, что используется в условиях мобилизации.

Будучи ярым сторонником модернизации, В. Иноземцев, тем не менее, считает шансы на ее успех, в частности в России, низкими при сохранении тех институциональных и хозяйственных условий, которые сложились в стране². Следует заметить, что названные В. Иноземцевым условия практически полностью совпадают с теми, что характерны для

¹ См.: Полтерович В. Стратегии модернизации, институты и коалиции / Вопросы экономики. – 2008, №4. – С. 4–24; Полтерович В.М. Стратегия модернизации российской экономики: система интерактивного управления ростом / Журнал Новой экономической ассоциации. – 2010, №7. – С. 158–160. В этих работах предложена, по крайней мере, на уровне теоретической разработки, такая система, которую он назвал системой интерактивного управления ростом (СИУР)

² Иноземцев В.Л. Модернизация в России: каковы шансы на успех / Журнал Новой экономической ассоциации. – 2010, №7. – С. 146–149.

большинства постсоветских государств, поэтому на них следует обратить внимание.

Первое, на что указывает ученый, это отсутствие понимания модернизации как комплексного процесса. На примере России он показывает, что предложенные президентом Д. Медведевым направления модернизации – медицина и фармацевтика, энергетика, информатика, космические и телекоммуникационные системы, энергоэффективность¹ – никак не связаны между собой и имеют различные схемы реализации. Последнее из направлений – энергоэффективность – вообще требует новой индустриальной революции, тогда как правительство о ней не упоминает, а ведет речь лишь о переходе к постиндустриальному обществу и инновациях. Добавим, что предлагаемые направления затрагивают исключительно технологический аспект модернизации, тогда как о ее социально-политических аспектах вопрос практически не ставится.

Второе обстоятельство – то, что в стране сложилась неблагоприятная для восприятия идей модернизации бизнес-культура. Основной вид бизнеса, как отмечает В. Иноземцев, – бесконечное жонглирование собственностью, наращивание капитализации, умножение дивидендов и их вывод за рубеж. Досадным является то обстоятельство, что политическая элита страны де-факто поддерживает именно такой «уклон». Это связано с тем, что и бизнесмены, и политики ориентированы на быструю выгоду, а не на продолжительную модернизацию.

Третье обстоятельство состоит в отсутствии в России конкурентных преимуществ, которые стали бы двигателем ее модернизации. В стране процветает только большой провластный бизнес, условия ведения не связанного с властью бизнеса неблагоприятны. Политика социального популизма привела к росту доходов без соответствующего роста производительности труда, поэтому в части стоимости трудовых ресурсов мы не можем составить конкуренцию азиатским странам – основным поставщикам дешевой рабочей силы на мировой рынок. Уровень профессиональной и образовательной подготовки наших кадров только снижается, тогда как в названных странах растет. Научный потенциал страны деградирует, научные достижения в подавляющем большинстве далеки от мировых. Наличие перечисленных факторов, к сожалению, не вызывает ни малейшей обеспокоенности у власти, поэтому и не следует верить ее «модернизационной» риторике.

Четвертое: страна не в состоянии окончательно оторваться от своего советского прошлого ни в плане взглядов на управление экономикой, ни в

¹ См.: Послание Президента России Д. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 ноября 2009 г.

плане формирования новой общественной идеологии. Значительная часть населения ностальгирует по прошлому, а власть превратилась в привилегированный бизнес, использующий весь государственный административный аппарат, государственные финансы, правоохранительную и судебную систему для поддержки и защиты собственной хозяйственной деятельности, перераспределения собственности, устранения конкурентов, получения ренты и т.п.

В подобных условиях, подытоживает В. Иноземцев, модернизация невозможна: нет четкого понимания к чему мы стремимся, какие инструменты использовать, нет здоровой предпринимательской культуры и весомых конкурентных преимуществ, нет политиков, способных принести в жертву собственные краткосрочные интересы в пользу долгосрочных общественных. Страна не ощущает потребности в модернизации, не ощущает себя единым целым. Поэтому модернизация может быть поставлена на повестку дня только «сверху», если у политиков появятся соответствующие амбиции и желания начать изменения. Примером могут послужить многие развивающиеся страны, достигшие успеха, а сейчас и некоторые постсоветские страны, в частности, в большей мере, Грузия, в меньшей – Казахстан.

В. Геец отходит от категоричного навязывания стране догоняющей мобилизационной модернизации, целью которой является только быстрая индустриализация. По его мнению, ее идеология, в частности в Украине, должна формироваться на философии и политике либерализма. В основу последнего положена свобода и возможность творческой самореализации человека. Эта политика кардинально изменила картину мира и подняла на значительно более высокий уровень удовлетворение интересов и потребностей всех членов общества, т.е., в нашем понимании, позволила иным – немобилизационным способом преодолеть «нетерпимое» отставание или условия жизни. Однако В. Геец ведет речь не об экономическом либерализме в духе Вашингтонского консенсуса, а о моральном или этико-политическом либерализме¹ как социальной и политической составляющей модернизации, тогда как В. Иноземцев акцентирует внимание преимущественно на индустриально-технологической составляющей последней. Поэтому догоняющая стратегия, на наш взгляд, не должна и не может перечеркивать идеалы свободы и самореализации человека, равно как и свобода каждого индивида не должна отрицать в случае целесооб-

¹ Более подробно описание различных течений либерализма см., напр., в раб.: Капустин Б. Что такое либерализм? / Свободная мысль. – № 8, 2004. – С. 33–55; Зверяков М. Либеральная идея и модернизация экономики Украины / Экономика Украины. – №7, 2010. – С. 16–17.

разности мобилизацию «всех и всего», если результатом последней станет, в частности, еще большая свобода или раскрытие потенциала самореализации.

В. Геец стоит на позиции, что сейчас понимание идеологических постулатов либерализма искривлено, примитивизировано, выхолощено и подменено не присущими ему ценностями и формами, оно полностью противоположно тому пониманию либерализма, которое закладывалось в начале его возникновения как политической программы и системы взглядов в XVIII–XIX вв. В. Геец показывает, что характер украинских реформ, следствием которых стало массовое обнищание населения и формирование олигархии, контролирующей власть и систему правосудия, нельзя считать либеральными, несмотря на то, что в сознании как населения, так и подавляющего большинства политиков и экспертов, они расцениваются именно такими.

Трансформационные изменения, именовавшиеся политикой либерализации и проводившиеся под лозунгом либерализации цен и внешней торговли, формирования института частной собственности и представительной системы власти, макроэкономической стабилизации, являются всего лишь формальными, но далеко не главными и исчерпывающими признаками либерализма. Поэтому такая политика была обречена на провал. В ходе реформ не удалось и даже не ставилась как цель достичь других, значительно более важных для реализации либеральной идеи вещей. В. Геец отмечает, что капитализм, начавший формироваться в Украине, в первую очередь должен был бы освободить личностный потенциал человека от тех ограничений, которые существовали в планово-организованном хозяйстве¹. Новая общественная система, в отличие от предыдущей, должна была бы привести к объединению и взаимосогласованию таких особенностей человеческой психики, как, с одной стороны, роста личного самосознания, что является проявлением автономии и индивидуализации человека, и, с другой – реализации потребности в самоутверждении в отношениях с другими людьми в их совместной деятельности, что выступает признаком интеграции и слияния человека с обществом.

Интеграция между людьми, взаимосогласованность индивидуальной и социальной сфер жизни, объединение усилий людей для целей будущего развития возможны только на основе доверия. Оно должно поддерживаться в обществе или созданием соответствующих формальных правовых норм, или существованием более эффективных в сравнении с первыми неформальных морально-этических норм. И первые, и вторые призваны сделать невозможным произвол и насилие кого-либо из членов обще-

¹ Геец В., цит. соч. – С. 7.

ства по отношению к другим и обеспечить их мирное сотрудничество. В. Геец приходит к фундаментальному выводу, с которым трудно не согласиться, что «для стабильного функционирования и развития общества и экономики базовым условием является наличие доверия»¹, которое и должно составлять основу либерально-организованной общественной и хозяйственной системы страны. Отсутствие доверия приводит к возникновению проблем с идентификацией задач развития, поскольку несогласованные между собой в социальном аспекте индивидуалистские интересы становятся причиной однобокой гипертрофированной формы индивидуалистского присвоения. Они (интересы) превращают индивидуализацию в индивидуализм и позволяют правовой системе выходить за определенные рамки, а в условиях слабой, как в Украине, судебной системы, приводят к увеличению административного давления и деспотизма государственных руководителей. Именно из-за низкого уровня доверия в обществе реформы в Украине не привели к росту у подавляющего большинства людей чувства собственного достоинства к тому уровню, который создал бы им возможности для самовыражения, самореализации, самообеспечения и самодостаточности. Вследствие неудачных и поверхностных с этой точки зрения реформ, в украинском обществе, по мнению О. Злобиной, людей экстернальной ориентации значительно больше, чем ориентированных на собственные усилия².

Обеспечение и укрепление высокого уровня доверия является ключевой задачей государства. Поскольку взаимодействие между субъектами, их совместная деятельность и взаимосогласование их интересов всегда происходит на основе некоторого общественного формального или неформального договора, то задача государства состоит в защите этого договора и требовании от субъектов соблюдения его условий. Формирование правильного представления субъектов договора друг о друге, их рациональное предсказуемое поведение и учет взаимных интересов возможны лишь при условии высокого взаимного доверия и доверия к государству. При таких условиях будут минимизироваться совокупные трансакционные издержки экономической системы и максимизироваться полезность от совместной деятельности субъектов, что, в конце концов, будет гарантировать успех в осуществлении модернизации страны. В Украине ничего подобного достичь не удалось. В ней по результатам реформ утрачено не только доверие субъектов к государству, но и друг к

¹ Цит. соч. – С. 8.

² Злобіна О. Соціально-психологічні складові адаптивного потенціалу населення // Українське суспільство 1992–2008 рр.: соціологічний моніторинг. – К., Ін-т соціології НАН України, 2009. – С. 195.

другу, что обусловило отчуждение граждан от общественной жизни и формирование у них поведения по типу «война всех против всех». Такое поведение прямо указывает на антилиберальное устройство украинского общества и является путем к его разрушению, поскольку при тех правовых, экономических и социальных условиях, которые созданы в стране, отдельно взятые граждане заботятся только о своей собственной непосредственной выгоде и не совершают никаких действий, которые бы укрепили общество.

В Украине отсутствует ключевой признак либерализма – общественное сотрудничество, дающее возможность человеку развиваться и самореализовываться. Государство не выполняет роли модератора такого сотрудничества, не выступает институтом, принуждающим придерживаться правил жизни в обществе, поэтому к нему нет доверия со стороны граждан. Последние же при такой неспособности государства считают, что лучше вообще никому не доверять и ни с кем не сотрудничать, что является свидетельством отсутствия либеральных основ в функционировании государственных институтов и общественном устройстве в Украине¹. Кроме того, недоверие к власти означает также то, что последняя не решает проблемы тех, кто выступает ее источником, т.е. народа. Поэтому нет оснований говорить и о наличии в стране такой неотъемлемой составляющей либеральных отношений, как демократии – политического устройства, которое, согласно определению Л. фон Мизеса, позволяет правительству без насилия приспосабливаться к желаниям тех, кем оно руководит², несмотря на то, что сугубо формальные ее признаки, такие, как выборы (непрозрачные и безальтернативные по смыслу) и свобода слова (ограниченная и контролируемая властью), присутствуют.

Реформы в Украине, задекларированные как либеральные, не достигли главной цели, которую ставит перед собой настоящий либерализм, – создание благосостояния для всех слоев населения, а не только отдельных его немногочисленных групп и представителей. По данным Института демографии и социальных исследований НАН Украины, в стране постоянно растет разрыв в доходах: для самых богатых слоев населения они увеличиваются в 9 раз быстрее, чем для самых бедных. Особенно печальным для украинской действительности выступает тот факт, что рост имущественного расслоения является следствием не самоотверженного и настойчивого труда, а результатом постоянного, административно поддерживаемого, перераспределения собственности. Причем в правительственных кругах даже не ставится вопрос о выравнивании доходов и вне-

¹ Геец В., цит. соч. – С. 12.

² Людвиг фон Мизес. Либерализм. – М., “Экономика”, 2001. – С. 45.

дрении прогрессивной шкалы налогообложения вместо существующей линейной, что и будет означать либеральную политику благосостояния для всех.

Учитывая вышеизложенное, можно поддержать вывод В. Гееца, что «в Украине в результате трансформации 90-х годов XX в. и первых 10 лет XXI в. состоялась победа преимущественно консервативных, а не либеральных принципов организации экономической и общественной жизни, при значительном ограничении степени его демократичности»¹. Именно поэтому он считает, что либерализм и демократия должны быть положены в основу курса на модернизацию Украины. Новый курс, по мнению В. Гееца, означает: формирование институтов благосостояния, выравнивание доходов, налоги на богатых, гарантированную общедоступную медицину и образование, общественный консенсус относительно направлений реформ, положительные результаты реформ для всего общества.

А. Гальчинский считает, что либеральный контекст в выборе идеологии украинской модернизации отвечает логике цивилизационного развития². Он не поддерживает позицию о крахе либерализма как определяющей геокультуры современности, а, наоборот, склоняется к мысли о начале эпохи действительного либерализма, обосновывая свою точку зрения рядом аргументов.

Во-первых, исходя из сущностного определения либерализма, А. Гальчинский указывает, что согласно с установившимся классическим подходом его каркас состоит из единства трех составляющих: свободы личности, свободного рынка, "ограниченного" правительства. При этом важно, на наш взгляд, отметить, что из этих составляющих на первое место исследователь ставит свободу личности, отводя ей роль главной цели либерализма. Последним двум (свободному рынку и "ограниченному" правительству) он отводит лишь инструментальную роль механизма достижения этой цели, не абсолютизируя их решающее значение, а отмечая, что они могут быть приемлемы лишь до определенной меры и при определенных обстоятельствах, не ограничивающих развитие и свободу личности. Такой подход заслуживает поддержки. Он не накладывает на инструментарий государственной политики жестких идеологических рамок, позволяет гибко подойти к выбору средств, исходя из конкретных обстоятельств и уровня развития социально-экономической системы, ориентируясь лишь на критерий обеспечения свободы. Можно согласиться с А. Гальчинским, что нынешнее утверждение либерализма является исто-

¹ Геец В., цит. соч. – С. 19.

² Гальчинский А. Либерализм – эволюционные трансформации / Экономика Украины. – 2010, №6. – С. 23–34.

рически закономерным и корреспондирует с новым циклом глобальных цивилизационных трансформаций. Их основой становится «суверенизация личности, усиление ее самодостаточности, творческого потенциала, креативной функции»¹, т.е. всем тем, что выступает целью либерализма. Благодаря этому на смену унифицированной вертикальной организации общественного производства приходит горизонтальная гибкая сетевая организация, выходящая за пределы национальных границ на глобальный уровень.

Во-вторых, государство должно находиться между рынком и обществом с целью регулирования проникновения первого в социальную и политическую сферу последнего. При этом воздействие государства на экономические процессы должно происходить через общество, а именно посредством формирования его знаний, накопления информации и социального капитала, носителем которых является человек. В свою очередь, формирование указанного капитала, как неотъемлемого элемента модернизации, может происходить, по мнению ученого, только в государстве всеобщего благосостояния. Основы такого государства, как отмечает Гальчинский со ссылкой на П. Кругмана², были заложены в США в 30-х годах XX в. в "Новом курсе" Ф. Рузвельта, благодаря которому страна получила не только средний класс, но и приблизилась к демократическому идеалу. На это следует обратить внимание, поскольку такая позиция резко контрастирует с традиционными псевдолиберальными представлениями о минималистской роли государства, особенно в социальной сфере. В данном случае идеи либерализма об ограничении неравенства и несправедливости совпадают с социал-демократическими идеями, а потому либерализация экономики, общества, государства и бизнеса может оцениваться по уровню их социализации или способности преодолевать неравенство и несправедливость. Следует учитывать, что механизмы обеспечения такой социализации в этих моделях общественного устройства отличаются друг от друга.

Либерализм – против неоправданного государственного патернализма. Он сосредоточивается на обеспечении экономической свободы, формировании экономически активного человека, способного брать на себя решение собственных социальных проблем, проведении социальной политики с опорой на средний класс, состоящий именно из таких людей. В социальной политике при либерализме государство должно гарантировать социальную справедливость посредством предоставления равных шансов всем на старте их трудовой жизни. Объектом социальной благо-

¹ Там же. – С. 24.

² Кругман П. Кредо либерала. – М., "Европа", 2009. – С. 288.

творительности и социальной опеки с ее стороны должны быть только малоимущие слои населения, не имеющие возможности своими силами удовлетворить собственные социальные нужды. Вместе с тем государство должно осуществлять социальное выравнивание и не допускать возникновения больших разрывов в распределении доходов и имущества между разными слоями населения. При этом оно должно исходить из того, что путем к выравниванию является формирование богатого общества на основе создания высокопродуктивной экономики, а не политика социального популизма без учета существующих в стране экономических условий продуцирования богатства. Выравнивание и снижение дифференциации, по мнению А. Гальчинского, созвучного с упомянутыми взглядами В. Гееца, может осуществляться путем проведения соответствующей политики доходов населения, суть которой сводится к их прогрессивному налогообложению.

А. Аузан обращает внимание, что для проведения модернизации требуется формирование эффективных институтов¹. Он отмечает, что модель модернизации для каждой страны уникальна, она не имеет универсальной формулы реализации. Поэтому ее следует рассматривать не как известную задачу со стандартным алгоритмом решения и известным конечным результатом, а как проблему, связанную, прежде всего, с гармонизацией формальных и неформальных институтов, виды и соотношения которых для каждой страны неповторимы. По мнению исследователя, уникальная формула модернизации должна включать три элемента. Первый – учет как традиционных ресурсов (природные, производственные, финансовые и т.п.), так и социально-культурного капитала страны. Второй – проектирование формальных институтов, необходимых для модернизации, должно происходить с учетом имеющихся неформальных институтов, несущих на себе отпечаток национальной специфики. Третий – сбалансирование формальных и неформальных институтов может осуществляться через ценности и на основе принципа дополняемости, т.е. развития тех ценностей, которые не присущи инерционному историческому движению страны.

Исходя из названных элементов, А. Аузан выделяет ряд проблем в выборе стратегии российского варианта модернизации. Первая проблема связана с заимствованием инноваций. А. Аузан предлагает сначала сделать ставку на собственные прорывные креативные технологии. По его мнению, заимствование массово-поточных технологий обречено на неудачу, так как в стране отсутствует такой неформальный институт, как

¹ Аузан А. Модернизация как проблема: в поисках национальной формулы / Журнал Новой экономической ассоциации. – 2010, №7. – С. 136–137.

уважение к законам и стандартам. Со временем, по мере того как последние станут ценностью и будут уважаться, возможным станет переход к указанному заимствованию.

Вторая проблема состоит в выборе субъектов модернизации. Это в равной степени касается большинства постсоветских государств. Мы находимся в ситуации, когда «верхи» не могут, а «низы» не хотят жить по-новому, что связано, прежде всего, с характером неформальных институтов. Во-первых, в указанных странах существует «высокая дистанция» между властью и гражданами, последние не воспринимают первую как близкую к себе. Не имея связи со своими гражданами и не ориентируясь на их нужды, власть способна запустить лишь один вариант модернизации – мобилизационный, т.е. навязываемый «сверху» и ограничивающий, а иногда и исключаящий, возможности выбора и свободу для граждан, а значит, с малой вероятностью отвечающий их нуждам. Во-вторых, культурной характеристикой институциональной среды России и большинства других постсоветских государств является «избегание неопределенности» или низкая склонность к риску. Это приводит к тому, что общественная мысль в этих странах формируется так, что граждане выбирают не лучшее из лучшего, а из двух зол меньшее, причем логическим является выбор известного зла. То есть постсоветское общество все время склонно избирать старое и известное, нежели новое и модернизационное. На наш взгляд, в такой ситуации страны попадают в своеобразную «антимодернизационную» ловушку и обречены на постоянную стагнацию. В данном случае выходом из нее может стать упомянутое В. Геецем повышение и укрепление доверия в треугольнике «государство – бизнес – общество».

Р. Гринберг, в свою очередь, отмечает ряд аспектов, учет которых, по его мнению, сделает курс на модернизацию осуществимым¹. Первый аспект состоит в возрождении инновационного кадрового потенциала и его основного источника – среднего класса, разрушенных за годы реформ. Позиция исследователя по поводу решения этой проблемы созвучна с предложениями вышеупомянутых ученых. Она состоит в изменении «антисоциальной» направленности осуществляемой государством социальной политики, разрушившей этот потенциал.

Второй аспект в том, что государству следует параллельно проводить политику формирования эффективных рыночных институтов и активную структурную и инновационную политику. Первая из названных политик должна сделать невозможным неформальные экономические от-

¹ Гринберг Р.С. Осуществима ли российская модернизация? / Журнал Новой экономической ассоциации. – 2010, №7. – С. 144–146.

ношения субъектов между собой и с государством, сформировать условия для одинакового правоприменения ко всем экономическим агентам. Ее составляющие – это повышение эффективности антимонопольного регулирования, защиты прав собственности и контрактных прав, снижение налогового бремени, развитие инновационного малого и среднего бизнеса, борьба с коррупцией. Реализация только одной политики создания рыночных институтов, по мнению Р. Гринберга, с которым можно согласиться, не позволит избежать спонтанности формирования структуры экономики, обусловленной ее чрезмерной открытостью и угрозой подчинения внутреннего производства интересам иностранных ТНК. Именно поэтому эта политика должна сопровождаться активной структурно-инновационной политикой относительно формирования структуры отечественного производства в соответствии с национальными интересами. Ученый предлагает выделить три группы субъектов для государственной поддержки. Первая группа – производства, имеющие значительный научно-технический задел, их продукция отвечает мировым стандартам, и они способны за короткое время стать конкурентоспособными на внутреннем и внешних рынках. Вторая – отрасли и производства, исчезновение которых угрожает социальным взрывом и значительным ростом безработицы. Третья – сферы, необходимые для поддержания национальной безопасности.

Последний аспект, на котором останавливается исследователь, состоит в том, что правительству при осуществлении модернизации и диверсификации собственной экономики следует обратить внимание на возможности расширения инвестиционного импорта. Речь идет об импорте современных машин, оборудования и технологий из высокоразвитых стран. Последние будут особенно заинтересованы в этом хотя бы из соображений оживления собственного производства в условиях продолжительной стагнации.

Идея новой индустриализации и активной структурной политики как одного из направлений стратегии модернизации находит поддержку среди ведущих ученых. В частности, академик РАН Н. Шмелев отмечает, что «без нового строительства, без новых государственных (при отсутствии частных) инвестиций переход ... экономики к новому, современному ... укладу ... невозможен»¹. Модернизационные усилия государства, как отмечает исследователь, должны быть сосредоточены не только на инфраструктурных проектах, но и на перспективных промышленных направлениях, где в отечественных условиях прогресс объективно не может быть достигнут лишь за счет частного сектора. В этой связи ученый ставит во-

¹ Шмелев Н. Модернизация экономики: императивы государственного участия / Свободная мысль. – 2010, №2 (1609) –С. 18.

прос о необходимости прямой предпринимательской деятельности государства, с чем, по нашему мнению, можно согласиться. При этом она (деятельность) должна императивно включать организацию и последующую эксплуатацию предприятий в наиболее важных, науко- и капиталоемких отраслях экономики. Главное, как подчеркивает Н. Шмелев, в ходе второй индустриализации дать толчок промышленным мощностям, находящимся в стагнации, и радикально обновить их основной капитал. Начать следует с отраслей, чья продукция направлена на удовлетворение первоочередных потребностей общества, а потом развивать отрасли высоких технологий, руководствуясь опять-таки критерием соответствия общественным нуждам.

Таким образом, наличие различных взглядов на проблему модернизации свидетельствует о ее сложности и многогранности. Прежде всего, следует определиться с самой категорией «модернизация». Она, как стало очевидно из приведенного анализа, истолковывается по-разному. В частности, как определенная стратегия быстрых изменений в обществе и экономике, как закономерный процесс перехода от одного общественного строя к другому, как мобилизационный догоняющий процесс или, более узко, лишь как процесс технологического обновления производства. Также ее рассматривают как стремление государства приблизиться к эталонам более развитых государств, как скоординированные усилия общества по преодолению своих проблем или просто как способность людей осуществлять определенные изменения. В этой связи возникает закономерный вопрос, что означает «модернизация» – стратегию, процесс, усилие или простую способность к чему-либо?

Мы не претендуем на исчерпывающую окончательную формулировку этой категории, тем не менее, в общем виде предлагаем рассматривать модернизацию, прежде всего, как определенную стратегию развития страны. Для конкретизации определения в него следует ввести целевые, субъектно-объектные и причинно-следственные характеристики настоящего и ожидаемого вследствие модернизационной трансформации состояния функционирования хозяйственной системы и социума. Под модернизацией, на наш взгляд, следует понимать такую практически воплощаемую (а не декларативную) стратегию развития страны, которая:

– направлена, во-первых, на преодоление внутренних «нетерпимых» условий жизнедеятельности общества и функционирования хозяйственной системы страны, приводящих к высвобождению потенциала их деградации и саморазрушения, во-вторых, на создание условий для долгосрочного устойчивого развития на основе восстановления разбалансированных процессов общественного воспроизводства, эффективного противодействия дестабилизирующим факторам и угрозам;

– осуществляется на основе достижения общественного консенсуса и тесного взаимодействия в треугольнике «власть-бизнес-общество» при неоспоримом приоритете удовлетворения интересов последнего в сопоставлении с интересами первых двух.

Именно общественный консенсус, с нашей точки зрения, позволяет разрешить дилемму относительно выбора уровня, с которого должна начинаться и проводиться модернизация – «сверху» или «снизу». Такой консенсус позволяет максимально сблизить интересы и «верхов», располагающих всем арсеналом инструментов для указанного проведения, и «низов», не имеющих возможности реально воздействовать на экономическую ситуацию и политику, но без учета интересов которых постановка самой проблемы модернизации теряет всякий смысл.

Вопрос, какой должна быть эта стратегия с точки зрения перспективных позиций страны по сравнению с другими странами – догоняющей или прорывной, – на наш взгляд, является производным. Она (стратегия) зависит от тех проблем, которые в данное время существуют в обществе, разрушающих и дестабилизирующих его, и от того, каким наиболее приемлемым способом эти проблемы могут быть решены с точки зрения достижения целей при наименьших затратах. Модернизация в отечественных условиях, как отмечают отдельные исследователи, должна предусматривать создание приемлемой жизненной среды для всего населения страны или своеобразной «инфраструктуры жизни»¹. Добавим, что эта инфраструктура должна быть способна давать адекватные ответы на внешние и внутренние угрозы жизнедеятельности человека и страны в целом, прежде всего, нейтрализовать техногенные и экологические угрозы, военные угрозы (угрозы внешней военной агрессии), угрозы внешней ресурсной и продовольственной зависимости, угрозы голода, безработицы, массовых болезней, социальной катастрофы и т.п. То есть в задачах модернизации должен обязательно присутствовать, кроме социального, также безопасностный аспект.

Решение задач модернизации, учитывая специфику и особенности институциональной и хозяйственной среды страны, нуждается в соответствующей гибкости, неординарности и нешаблонности государственной политики. В данном контексте нам импонирует предлагаемая Гж. Колодко теория стечения обстоятельств развития². Ее главными чертами является: отказ от любого догматизма, ограничивающего выбор инструмента-

¹ Гульбинский Н. Модернизация или «отстой»? / Свободная мысль. – 2010, №3 (1610). – С. 75.

² Колодко Гж. От идеологии неолиберализма к новому прагматизму / Экономика Украины. – 2010, №9. – С. 10–11.

рия политики жесткими идеологическими рамками; отказ от попыток создать универсальную теорию экономического роста, перенесение внимания на специфические черты явлений и процессов, связанных с воспроизводством; применение экономической компаративистики; отделение целей деятельности от средств их достижения; инструментальная гибкость в зависимости от конкретной специфической ситуации.

Модернизация должна быть системной и осуществляться одновременно по трем направлениям – социально-экономическому, политическому и технологическому. Эти составляющие модернизации должны быть тесно взаимосвязаны в части их подчиненности, прежде всего, интересам всего общества. Технологическая модернизация не должна рассматриваться как самоцель, безотносительно к разрешению общественных проблем. Социальный и безопасностный контекст должен быть положен в основу этого направления модернизации и выбора отраслевых приоритетов промышленного производства. Важность развития промышленности и проведение соответствующей задачам модернизации промышленной политики не следует недооценивать, поскольку именно эта отрасль создает материальную основу для решения тех или иных социальных и безопасностных проблем. Целью модернизации промышленности в целом и ее отдельных отраслей, избранных в качестве приоритетных, должны стать, с одной стороны, повышение производительности труда и соответственно уровня доходов населения, а с другой – разрешение указанных проблем на основе развития собственного производства. В данном контексте вопрос относительно применения заимствованных или собственных технологий является важным лишь с точки зрения их пригодности для решения поставленных перед обществом вопросов. Если учитывать тот факт, что зарубежные (западные) технологии исторически оказались более продуктивны и более приспособлены к нуждам социума, чем отечественные, то выбор варианта решения вопроса, на наш взгляд, становится очевидным, по крайней мере, сегодня.
